

© 2018 г.

**В.П. КАЗАКОВ**

## **ХУАН БАУТИСТА ХУСТО: СОЦИАЛИЗМ ПО-АРГЕНТИНСКИ**

*Казаков Владимир Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

**DOI:** 10.7868/S0130386418030149

Х.Б. Хусто — основатель и бессменный лидер аргентинской социалистической партии — занимает особое место в истории Аргентины. Он впервые попытался применить идеи социализма к конкретно-историческим условиям страны, разработав концепцию «аргентинского социализма» — мирного перехода к обществу, основанному на коллективной собственности на средства производства, путем демократических и социальных реформ, а не революции.

Хуан Баутиста Хусто родился 28 июня 1865 г. в Буэнос-Айресе в семье, ведущей свое происхождение от испанских и итальянских иммигрантов. Его отец работал управляющим эстансий в провинции Буэнос-Айрес, где и прошла большая часть детства маленького Хуана. После окончания в 1882 г. колехи Хусто поступил на медицинский факультет университета Буэнос-Айреса. Здесь в полной мере проявились качества, которыми впоследствии была отмечена его политическая деятельность: огромное трудолюбие, самодисциплина, пылкий ум, что позволило молодому студенту изучить многие предметы, непосредственно не связанные с его специальностью.

В 1888 г. Хусто окончил университет с золотой медалью. Он решил специализироваться в области хирургии и с этой целью в 1889 г. посетил Европу, где в клиниках Парижа, Вены и Рима осваивал передовые методы хирургии. По возвращении в Аргентину он был удостоен премии за работу в области черепной хирургии. В 1893 г. он становится профессором хирургии на медицинском факультете и тогда же возглавляет хирургическое отделение в крупнейшей больнице Буэнос-Айреса. Здесь он впервые вводит правила личной гигиены и санитарии и использует при операциях асептический метод.

Как и многие его коллеги, Хусто проявлял большой интерес к политике, вступив в 1890 г. в Гражданский союз для борьбы с олигархическим режимом. Но вскоре, не согласный с курсом на вооруженное восстание, вышел из него. Хусто считал, что вооруженное восстание с участием армии приведет к развитию в Аргентине милитаризма. Вместо восстания молодой врач предложил новый метод политической борьбы — всеобщую забастовку налогоплательщиков. Это могло стать весомым средством политической мобилизации широких слоев населения. Однако план Хусто не был принят. С этих пор у него появилась стойкая неприязнь к традиционной политике заговоров и мятежей. В это же время он устанавливает связи с первыми социалистическими группами в Буэнос-Айресе.

По признанию Хусто, его приход в социалистическое движение объяснялся прежде всего гуманистическими соображениями. Врач по профессии, он хотел лечить не только последствия социальных недугов, но и их причины. Вскоре он становится ведущим оратором на рабочих митингах, а в 1894 г. первым редактором еженедельной социалистической газеты «Ла Вангвардия», которая стала идейным центром по организации социалистической партии.

В 1895 г. Хусто едет в США и в Европу. Если США стали для Хусто высшим выражением индустриального развития, то в Европе он изучал опыт рабочего и социалистического движения. Наибольшее впечатление на него произвело социалистическое движение в Бельгии, которое достигло больших успехов, не прибегая к насильственным действиям, без революции. Здесь социалисты создали сильную партию и кооперативное движение, развернули широкую просветительскую и культурную работу. Под впечатлением их успехов Хусто окончательно решил посвятить свою жизнь социалистической деятельности. Возвратившись в конце 1895 г. в Буэнос-Айрес он отдает все силы организации социалистической партии.

28–29 апреля 1896 г. в Буэнос-Айресе состоялся съезд социалистов, который провозгласил создание Социалистической партии Аргентины (СПА). В работе съезда приняли участие не только делегаты от социалистической группы, но и профсоюзов, обществ взаимопомощи.

В своей речи избранный председателем партии Хусто заявил: «Социалистическая партия является прежде всего партией трудящихся, пролетариата, тех, кто не имеет ничего, кроме возможности продать свою рабочую силу». Вместе с тем «двери партии открыты настежь для лиц из других классов, которые желали бы вступить в нее, подчиняя свои интересы интересам пролетариата... Мы начали на 30 лет позже социалистических партий Европы и потому, что начали позже, мы должны начать лучше, используя весь опыт, накопленный международным рабочим движением». Хусто призвал искать собственную модель, которая подходила бы к условиям Аргентины. Что касается программы партии, то она, по мнению Хусто, в силу слабой политической сознательности аргентинского народа должна включать лишь понятные для всех реформы, которые могли быть быстро и легко осуществлены<sup>1</sup>.

Программа-минимум социалистической партии была нацелена на защиту интересов рабочего класса и на развитие капитализм в его наиболее демократических формах. Она предусматривала наряду с социально-экономическими требованиями демократизацию общественной и политической системы страны. Партия боролась за всеобщее избирательное право без различия пола, предоставление политических прав иммигрантам и их натурализацию, муниципальную автономию, ликвидацию армии и ее замену милицией, отделение церкви от государства, восьмичасовой рабочий день и принятие рабочего законодательства. С этой целью социалисты предлагали реформу конституции: отмену статьи 2 об обязательной поддержке государством католической религии и применение статьи 20 с целью облегчения натурализации иммигрантов путем простого внесения их в список для голосования<sup>2</sup>.

Принятый I съездом устав определял организационную структуру партии, основанную на федеральном принципе: «партия состоит из групп, профсоюзов, кружков, обществ взаимопомощи, кооперативов, признающих программу и методы деятельности партии и имеющих 10 и более членов... Членами партии могут быть отдельные лица, признающие программные положения и уставные требования партии, в случае если они проживают в населенных пунктах, где нет партийной организации»<sup>3</sup>. Руководящим органом партии между съездами являлся исполком. Официальным органом партии стал еженедельник «Ла Вангвардия».

Ведущая роль в выработке программных установок СПА принадлежала Хусто. Его идеи и доктрины определяли идеологию и политику партии. Ко времени перехода на позиции социализма Хусто изучил труды великих мыслителей: А. Смита, Д. Рикардо, Л. Моргана, Ж.Н.О. Тьерри, К. Маркса. Знание основных европейских языков позволило ему познакомиться с работами деятелей II Интернационала: А. Бебеля, К. Каутского, П. Лафарга, Э. Бернштейна. Хусто стал первым переводчиком на испанский язык первого тома «Капитала» Маркса. Вместе с тем для Хусто марксизм никогда не

<sup>1</sup> Documentos para la historia integral argentina, t. 2. Buenos Aires, 1981, p. 315–316.

<sup>2</sup> Movimiento socialista y obrero. Buenos Aires, 1910, p. 133.

<sup>3</sup> Oddone J. Historia del Socialismo argentina, t. 1–2. Buenos Aires, 1934, t. 1, p. 73.

был мировоззрением, а лишь одной из форм знания. По его мнению, социал-дарвинизм, борьба за существование, естественный отбор «находятся в согласии с теорией социализма». Хусто отмечал, что идея Г. Спенсера о социальной эволюции, ведущей к росту индивидуальной свободы, стала одной из идейных причин его вступления в социалистическое движение.

Хусто подходил к изучению социальных явлений с позиций биологии: поскольку человек — животное, история человечества является отраслью биологии. Признавая природу — совокупность физического и биологического — как основу жизни, Хусто отмечал, что фундаментальные наклонности человека заставили его изменять свое физико-биологическое окружение. Человек сознательно воздействует на природу и накладывает на нее созданную им технико-экологическую среду, с которой и начинается собственно история. Только активный интеллект сделал возможным развитие техники. Техника, высший этап человеческого труда, представляет, по Хусто, синтез природы и человека, союз «материального с духовным». Техника была отправным пунктом истории. Хусто отрицал за своей концепцией материалистический характер. История — это универсальный и постоянный процесс, чьей теорией является общая теория человеческой деятельности.

Хусто признавал за Марксом открытие того, что основой в процессе человеческой эволюции является техника. Из марксизма Хусто взял роль человека в его практической реализации и признание борьбы классов как движущей силы истории. Он считал, что изменения в способе производства влекут за собой новый этап в социальной эволюции. Экономические изменения в обществе вызывают перегруппировку людей в новые общественные классы. Следствием классовой борьбы является политический прогресс. Исходя из того, что историческая теория есть развитие событий, изложенных в логическом порядке, Хусто выделял борьбу классов как главный динамический характер истории.

Вместе с тем Хусто отвергал насильственные методы классовой борьбы. В борьбе классов насилие то же самое, что и борьба между народами, оно означает биологическое состояние войны. Он осуждал Парижскую коммуну, называя ее «ужасным эпизодом современной классовой борьбы», и ее причины усматривал в чрезмерном преувеличении значения завоевания политической власти, диктатуры пролетариата и в «безразличии и враждебности к другим фундаментальным действиям народа — профсоюзной, кооперативной, парламентской активности». По мере распространения и углубления исторического сознания войны войнами между народами, как и войны между классами, по мнению Хусто, становятся все более редкими<sup>4</sup>.

Хусто — решительный противник самой идеи революции. Она подменяла развитие исторического сознания пролетариата верой в сверхъестественную силу диктатуры рабочих организаций, которая сразу же приводит к «социальной трансформации и сразу установит прекрасный порядок». Он отвергал марксистское понимание социальной революции. В одной из лекций перед рабочими Хусто говорил, что Маркс и Энгельс для объяснения социальной революции прибегли «к искусству метафизики... говоря, например, что общество трансформируется в силу “собственной, внутренней и неизбежной диалектики” имея в виду “отрицание отрицания”... Для трудящихся и для науки эти формулы ничего не объясняют. Со своей стороны, я их никогда не понимал и искал свой способ объяснения»<sup>5</sup>. Для Хусто он заключался в примерах английской и французской буржуазии, которая победила абсолютизм и остатки феодализма не потому, что была угнетенным классом, а потому, что была наиболее сильной и умной, обладала наибольшей экономической силой в своих странах. Таким будет, по мнению Хусто, и положение рабочего класса, в борьбе против капиталистического угнетения он добьется подъема своего положения и приобретет силу, которая позволит ему освободиться от всякого угнетения.

<sup>4</sup> Justo J.B. Teoria y practica de la historia. Buenos Aires, 1909, p. 432.

<sup>5</sup> Justo J.B. Cooperación obrera. Buenos Aires, 1917, p. 17.

Методы борьбы, подчеркивал Хусто, должны носить позитивный характер и не отрывать от реальности. В этой связи профсоюзное движение, по Хусто, является первой, еще неразвитой, почти инстинктивной формой классовой борьбы. Оно носит экономический характер. «Это первичная реакция рабочих на стремление предпринимателей держать на низком уровне вознаграждение за труд»<sup>6</sup>. Методом профсоюзной борьбы является забастовка. По мере роста профсоюзных организаций растет и число забастовок. Для Хусто забастовки носили позитивный характер, «когда организованные рабочие и предприниматели встречаются лицом к лицу и появляется почва для нормального взаимопонимания, результатом которого становится коллективный договор»<sup>7</sup>. Коллективный договор в системе взглядов Хусто должен был не только развивать в рабочих понимание того, что их эксплуатируют, но одновременно заставить «предпринимателей искать взаимного понимания с профсоюзами, поддерживая между предпринимателями и наемными участниками нормальные и прогрессивные отношения». Таким образом, по мнению Хусто, «коллективный договор меняет до такой степени классовую борьбу, что можно сказать, что отменяет ее»<sup>8</sup>.

Такая позиция Хусто вытекала из его понимания характера эксплуатации рабочих со стороны капиталистов. Хусто отвергал краеугольный камень марксистской политической экономии — учение о прибавочной стоимости, за которую рабочий не получает вознаграждения. Для Хусто рабочая сила не являлась товаром, поскольку в этом случае «наемный труд не добровольное и свободное соглашение, а смягченное рабство»<sup>9</sup>. В то время как в действительности отношения между рабочими и капиталистами носили правовой характер.

Хусто признавал, что продукт труда рабочего превышал его зарплату, но считал, что с развитием экономико-политических способностей наемного работника и при условии его самостоятельных действий в развитие своих прав, его потребности приблизятся к стоимости произведенного им продукта. «С каждым днем будет все меньше паразитизма, — заключал Хусто, — и в конце концов нельзя будет говорить о зарплате»<sup>10</sup>. Путь к этому лежал через повышение вознаграждения за труд рабочего. Хусто призывал различать номинальную и реальную зарплату. Для определения последней необходимо связать денежное вознаграждение рабочего с ценой товаров первой необходимости, в которых нуждается трудящийся. Таким образом получается числовое выражение уровня жизни. Разница между двумя зарплатами, по Хусто, имеет фундаментальное значение, хотя в обоих случаях рабочий эксплуатировался.

Хусто признавал огромное значение пролетарских профсоюзов, которые «материально и интеллектуально поднимают современный рабочий класс, вытаскивают его из пассивности и несознательности», вместе с тем не преувеличивал значение забастовочной борьбы, не симпатизировал всеобщим забастовкам, «они всегда представляют собой насильственную, разрушительную агитацию, сопровождаемую, как правило, кровавыми событиями... Всеобщая забастовка развивает чувства, но мало или совсем не развивает созидательные способности народа»<sup>11</sup>.

Созидательные способности рабочих призваны были развивать кооперативы. «В кооперативах, — считал Хусто, — рабочий класс действует не как наемные рабочие, а как потребители, покупатели и производители, как хозяева средств производства». Кооперативы не только поднимают уровень жизни трудящихся, освобождая их от паразитических посредников, но и развивают технико-экономические способности народа. «Свободные кооперативы, — подчеркивал Хусто, — демонстрируют, что для высшего уровня производства не нужна частная собственность на средства производства,

<sup>6</sup> *Justo J.B. Teoria y practica de la historia*, p. 329.

<sup>7</sup> *Ibid.*, p. 321.

<sup>8</sup> *Ibid.*, p. 383.

<sup>9</sup> *Ibid.*, p. 225.

<sup>10</sup> *Ibid.*, p. 269.

<sup>11</sup> *Ibid.*, p. 436.

ни другие привилегии»<sup>12</sup>. По убеждению Хусто, «кооперативы один из методов освобождения рабочего класса, один из вариантов классовой борьбы»<sup>13</sup>. Но решающее значение имеет политическая борьба пролетариата.

Свой путь к социализму Хусто обозначил как «рабочая демократия». Увеличение политической силы рабочего класса, заявлял Хусто, создает условия для все более широкого участия рабочих в политической жизни, так как «буржуазия не способна в одиночку управлять процессами исторического развития, что доказывает безработица, банкротства, забастовки, экономические кризисы и другие разрушающие общество конфликты»<sup>14</sup>. Проявлением этого он считал возникновение нового исторического явления, всеобщего голосования, «благодаря которому трудящиеся смогут участвовать в формировании правительства и в исполнении государственной власти». Признавая классовый характер буржуазного государства, Хусто вместе с тем считал, что по мере роста влияния трудящихся в экономической и политической жизни, оно будет постепенно утрачивать функции подавления и развивать функцию управления, «поскольку данное государство будет меняться по мере участия в нем представителей рабочих»<sup>15</sup>.

Но что дает рабочим возможность участвовать в управлении страной? Хусто полагал, что этому будет способствовать рост их сознания, понимание своего места в обществе, а развитие техники даст время для этого. Средством достижения этой цели станет всеобщее избирательное право. Оно распространит политическую власть во всех общественных классах, придав борьбе между ними наиболее разумные формы. Если, как справедливо считал Хусто, буржуазия обладает политической властью не в результате выборов и голосования, а посредством богатства и образования, то для рабочего класса путь к власти лежит через голосование. В буржуазном обществе у него лишь случайное право собственности, но его участие в политической власти и приобретение навыков управления общественными делами через кооперативы придает праву рабочих на собственность реальный смысл.

Рабочая демократия немыслима без рабочей партии. С ее созданием политическая деятельность трудящихся приобретает новую силу для ведения на законной основе классовой борьбы, для завоевания политической власти и обобществления средств производства. Рабочие партии имеют интернациональный характер и объединены в международную организацию — II Интернационал, куда входит и аргентинская социалистическая партия. Рабочая демократия отлична от буржуазной. Если последняя на развалинах замков и алтарей утверждала абсолютную частную собственность, то рабочая демократия ее отменяет, как источник привилегий и угнетения.

Рабочая демократия у Хусто связана с новым пониманием классовой борьбы, которая трактуется не как «социальная бойня», а как возможность регулировать и гармонизировать отношения между людьми. Хусто пояснял это следующим образом: «Если капиталист говорит рабочему: я разрешаю тебе работать со средствами производства, которые я присвоил для получения прибыли, то рабочий в свою очередь должен сказать капиталисту: ты не можешь эксплуатировать человеческие существа иначе, как только в гуманных условиях труда». Постоянной задачей рабочих партий является принятие рабочего законодательства с обязательным арбитражем, установление которого, как считал Хусто, возможно только рабочей демократией. В качестве примера он приводил Новую Зеландию, где «народ есть государство»<sup>16</sup>.

Рабочая демократия должна бороться с монополиями. В качестве первого шага необходимо установить государственный контроль над трестами, а в дальнейшем передать их в общественные руки. В муниципальную собственность должны перейти

<sup>12</sup> Ibid., p. 412.

<sup>13</sup> Ibid., p. 389.

<sup>14</sup> Ibid., p. 436.

<sup>15</sup> Ibid., p. 419, 680.

<sup>16</sup> Ibid., p. 461.

все предприятия общественного пользования. Пример Германии убеждал Хусто, что железные дороги должны быть государственными.

В целом, по мнению Хусто, рабочий класс был еще не в состоянии провести немедленное обобществление и построить демократическое государство. Но необходимо было начинать это делать: добиться присутствия рабочих представителей в органах государственной власти. По мере роста их влияния администрация будет приобретать новый характер. Государственные ресурсы будут направляться на удовлетворение общественных потребностей. Предприятия общественного пользования перестанут устанавливать монополию, высокие цены и приблизят их к себестоимости, как в свободных кооперативах. Свободное от конкуренции государство должно взять под свой контроль и другие общественные институты, прежде всего школу. «Без образования немыслима борьба за жизнь. Рабочая демократия должна обеспечить всем детям обязательное и бесплатное начальное образование. Необходима также налоговая реформа: отмена всех косвенных налогов и прогрессивное налогообложение собственности, прежде всего земельной».

Социальное законодательство должно обеспечить минимальные потребности труда и жизни трудящихся и сопровождаться уголовным наказанием за их неисполнение. Однако Хусто был противником насильственного навязывания рабочей демократии. Необходимо добиваться взаимопонимания сторон для принятия нового порядка, чтобы все сознательно и добровольно вошли в него. В новом обществе законы, по Хусто, «уважали бы в такой же степени, как техника уважает законы физики»<sup>17</sup>.

Строительство «социального государства высшего порядка» несовместимо с сохранением церковных догм и символов. Хусто считал срочной задачей ослабление позиций церкви, разрыв ее отношений с государством, прекращение последним бюджетного финансирования религии. Антиклерикальные меры освободят ум народа, ускорят технический прогресс, сделают науку, «деятельность до сих пор редкую и чуждую повседневной жизни, регулярным занятием всех». Хусто скептически относился к излишнему теоретизированию, чисто философским занятиям. По его мнению, философией народа должен стать «бесхитростный реализм», который он понимал как «способ интуитивно видеть то, что философы презирают, не считают нужным видеть»<sup>18</sup>.

Но возможно ли в такой аграрной стране, как Аргентина, существование социалистической партии? Правомерность существования социалистической партии поставили под сомнение некоторые деятели II Интернационала. Посетивший в 1908 г. Аргентину один из руководителей итальянской социалистической партии Э. Ферри назвал ее «экзотическим цветком» на Ла-Плате, которая является не естественным результатом развития страны, а завезена иммигрантами.

Вместе с тем Ферри не отрицал роли и значения социалистической партии в политической жизни Аргентины: она единственная современная партия, имеющая программу и построенная на идейной основе, а не на личной преданности тому или иному политику. «Она выполняет полезную работу и по праву заслуживает общественного одобрения... Но это не социализм»<sup>19</sup>. В основе этого утверждения лежала убежденность Ферри, что без развитого капитализма, крупной промышленности и многочисленного рабочего класса невозможно существование социалистической партии. «Пролетариат есть продукт паровой машины. И только с пролетариатом рождается социалистическая партия, которая является этапом эволюции первоначальной рабочей партии». В социально-экономических условиях Аргентины, добавлял Ферри, Маркс не написал бы «Капитал»<sup>20</sup>.

<sup>17</sup> Ibid., p. 472.

<sup>18</sup> Ibid., p. 488, 495.

<sup>19</sup> Цит. по: *Justo J.B. La realización del socialismo. Buenos Aires, 1947, p. 239.*

<sup>20</sup> Ibid., p. 240.

В подтверждение своих слов Ферри ссылался на свою родину. Так, в Южной Италии, по преимуществу аграрной, социалистическая партия крайне слаба. И наоборот, на индустриальном Севере «она трансформировалась из рабочей в социалистическую партию, которая там очень сильна». Пример Новой Зеландии, который любил приводить Хусто, убеждал Ферри в его правоте, а не Хусто. «Там нет машинной промышленности в подлинном смысле этого слова, там существует рабочая партия, которая даже вошла в правительство, но там нет социалистической партии». Поэтому, по мнению Ферри, хотя Социалистическая партия Аргентины и называется «социалистической», но она ничто иное, как рабочая партия в своей экономической программе и радикальная партия в политической, «поскольку в стране отсутствует радикальная партия в европейском понимании и социалисты выполняют ее роль»<sup>21</sup>.

В идейно-теоретическом плане партия, по мнению Ферри, также не может называться социалистической, поскольку без требования коллективной собственности в программе называться социалистической «это абсурд». «Я полагаю — и это всегда является живой частью марксизма, — что без коллективной собственности нет социалистической доктрины». Свое мнение Ферри подтверждал социально-экономическими реалиями Аргентины: хотя сельское хозяйство технически оснащено, страна находится на этапе аграрного развития — имеется значительный фонд общественной земли для перехода в частную собственность. Аграрии — медьерос и мелкие собственники не являются социалистами. Ими могли быть наемные работники (пеоны), но они в своем большинстве несознательные и являются «ластолковыми» иммигрантами, которых невозможно организовать в социалистическую партию. Да, соглашался Ферри, в Буэнос-Айресе есть слой промышленных рабочих, но «их недостаточно, чтобы изменить характер экономических условий Аргентины, которая находится на аграрном этапе своего развития. В действительности, они тред-юнионисты, которые отличны от социалистов»<sup>22</sup>. Таков был итог серьезных, по словам Ферри, размышлений о социал-партии Аргентины.

Возражая Ферри, Хусто утверждал, что идеи аргентинских социалистов имеют корни в аргентинской истории. Он ссылался на Майскую революцию, чьи идеи шли от французской революции. Он рассматривал М. Морено, Б. Монтеагудо и Б. Ривадавию как предшественников социализма в Аргентине. Идейные предпосылки для социализма получили дальнейшее развитие в период диктатуры Х.М. Росаса с появлением социалистической догмы Майской революции, написанной Э. Элевэрийей. Создав партию, социалисты дали стране политическую организацию, которая отстаивала постулаты социальной справедливости, изложенные этими знаменитыми аргентинцами.

Хусто отвергал и другой аргумент Ферри: отсутствие в Аргентине пролетариата. Хусто ссылался на последнюю главу первого тома «Капитала» — «Современная теория колонизации», где Маркс предвидел действия господствующего класса по быстрейшему созданию пролетариата в аграрных странах наподобие Аргентины. Хусто считал забавным, что Ферри отвергал от имени ортодоксального марксизма то, что Маркс признавал, поскольку, по Марксу, пролетариат появился не вследствие промышленного переворота, а в результате разложения феодализма.

Все рассуждения Ферри, по мнению Хусто, пронизаны догматизмом. Это касалось и краеугольного камня социалистической доктрины — коллективной собственности. Конечно, соглашался Хусто, социализм немыслим без общественной собственности. Но пролетариат уже сейчас необходимо готовить к «возможному коллективизму», его свободной кооперации и политическим действиям. Для Хусто социализм прежде всего «действия во благо трудового народа и главное — действия самих трудящихся для собственного блага». В этом заключается живая часть социализма, а не в доктринах.

<sup>21</sup> Ibid., p. 239.

<sup>22</sup> Ibidem.

Они могут быть разными, даже в Социалистическом Интернационале, где «существуют столь различные мнения, как наше и Ферри»<sup>23</sup>.

Принятие национальным конгрессом в феврале 1912 г. закона о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании и представительстве меньшинства позволили социалистам провести в палату депутатов своих представителей — Х.Б. Хусто и А. Паламоса. Депутаты-социалисты пришли в парламент для защиты интересов трудящихся в рамках закона. Проблеме выборов уделялось особое внимание, так как она являлась главнейшей для социалистической партии, поскольку лишь через выборы в конгресс социалисты собирались реализовать свою программу. Парламентская деятельность социалистов принесла им успех на последующих выборах, позволив увеличить представительство в палате депутатов и получить место в сенате.

Когда Хусто пришел в конгресс, он был известен как основатель и лидер маленькой «экзотической» партии. У него не было опыта законотворческой деятельности. Но это возмещалось аналитическим умом, прекрасным образованием, что позволяло ему разбираться в сложнейших вопросах политики и экономики. Очень скоро он завоевал уважение многих коллег своими выверенными и хорошо обоснованными законопроектами. Хусто посвящал все свои силы работе в парламенте, практически не пропускал ни одного заседания, активно участвовал в прениях, буквально бомбардировал правительство декретами о положении рабочего класса. Все это с лихвой возмещало малочисленность социалистической фракции.

В конгрессе Хусто выдвинул целую программу реформ, охватывавшую практически все стороны жизни аргентинского общества.

Как и его великие предшественники Б. Ривадавия, Х.Б. Альберди, Д.Ф. Сармьенто, Б. Митре, Хусто связывал безлюдье с варварством, а заселение страны с цивилизацией. Но для этого естественного прироста населения оказывалось недостаточно. Для заселения страны жизненно важна была иммиграция. Хусто постоянно ратовал за натурализацию иммигрантов, за превращение их в активных граждан, которые, объединившись с местными трудящимися, станут силой, способной контролировать правительство. Он был убежден, что этот новый пролетариат поймет, что господствующая общественная система несовместима с его материальным и моральным благополучием и потребует социализации средств производства и обмена. Но чтобы иммигранты приезжали, в стране должны быть высокая зарплата, приличные условия труда, современное социальное законодательство и прежде всего легкий доступ к земле.

В отличие от других переселенческих стран, где за каждым переселенцем признавалась собственность на занятую им землю, Аргентина была страной латифундий. Здесь, как и в других латиноамериканских странах, право на земельную собственность, полученное спекулянтами и фаворитами правительства, значило больше, чем права поселенцев. В стране остро стоял аграрный вопрос. «Нельзя, — писал Хусто, — чтобы немногочисленный класс помещиков, удовлетворенный получением ренты с незаселенных и едва обрабатываемых латифундий, изымал их из жизни и производства целого континента»<sup>24</sup>.

Правительственная политика в области иммиграции сводилась к искусственной иммиграции и преследовала цель не заселить страну свободными фермерами — собственниками земли, а иметь в изобилии дешевую рабочую силу. Латифундия и искусственная иммиграция препятствовали демографическому, технико-экономическому и социально-политическому прогрессу страны и прямо затрагивали интересы трудящихся, так как дорогая земля и высокая рента имели своим следствием низкую зарплату, редкое и нищее население.

Что же конкретно предлагал Хусто? Он выступал против экспроприации латифундий и их раздела, так как «экспроприировать латифундию это значит заплатить за нее дорого, увеличить цену соседних латифундий и способствовать спекуляции». Вместо

<sup>23</sup> Ibid., p. 247.

<sup>24</sup> Justo J.B. La cuestion agrarian. Buenos Aires, 1917, p. 3.

экспроприации латифундий он предлагал прогрессивный налог на земельную ренту и налог на добавленную стоимость, которая получается не в результате усилий земледельца, а всего общества. Земельная рента — это чистая привилегия, и общество вправе конфисковать ее полностью или частично в свою пользу. Эти меры должны были сопровождаться освобождением от налогообложения мелких землевладельцев, возмещением арендаторам стоимости произведенных улучшений, развитием на селе кооперативного движения. Вся аграрная программа была настроена на создание и развитие многочисленного класса фермеров — собственников земли. От решения аграрной проблемы, зависело и политическое будущее страны, судьба демократии. Социальным результатом систематической капиталистической колонизации стало образование помещичьей олигархии, которая, разделенная на фракции, правила без участия народа, хотя внешне имела республиканский и демократический вид. Хусто называл ее также плутократией, живущей за счет повышения эксплуатации трудящихся. В результате решения аграрной проблемы она бы исчезла и на смену олигархическому режиму пришла бы демократия. Но пока сельская местность оставалась лугом для выпаса скота и необрабатываемых латифундий, в Аргентине не могло быть ни демократии, ни республики.

Политическому прогрессу страны, помимо существующего аграрного строя, мешала «креольская политика» — беспринципная борьба за власть между различными группировками господствующего класса. «Креольская политика» была прямым порождением латифундий. В эстансии, где царила власть помещика и господствовали патриархальные отношения, пеоны не могли быть сознательными избирателями. Напротив, ферма (чакра) давала другой тип избирателя: независимого, сознательного. В нем Хусто видел надежду для аргентинской демократии: на смену «креольской политики» придут настоящие политические партии с программами, выражающими классовые интересы своих избирателей.

Исследование Хусто финансовой системы страны привело его к выводу, что эмиссия постоянно обесценивающихся бумажных песо имела губительные последствия для трудящихся, являясь принудительным займом, посредством которого у них изымалась значительная часть заработанных денег. Причину этого он видел в низкой конкурентоспособности аргентинской продукции на мировом рынке; цены на нее падали столкнувшись с более передовыми методами производства других стран. В этих условиях предприниматели использовали косвенные методы для увеличения своих доходов; низкую эффективность производства оплачивали рабочие своей обесценивающейся зарплатой. Низкая зарплата удешевляла производство, позволяя экспортерам, тем же помещикам, класть в карман в качестве прибыли то, что они отняли у рабочих.

Еще одним налогом на трудящихся были высокие таможенные пошлины, которые умножали доходы казны, но увеличивали стоимость жизни рабочего класса, поскольку ими облагались предметы первой необходимости и орудия труда рабочих, что уменьшало их реальную зарплату.

В докладе Бюро Социалистического Интернационала Хусто возложил ответственность за высокую стоимость жизни в Аргентине на таможенные пошлины, которые препятствовали свободному движению импортных товаров, продававшихся из-за этого дорого.

Хусто видел выход в налоговой реформе — ликвидации косвенных налогов и установлении налога на наследство и прогрессивном налогообложении крупной земельной собственности, а также в переходе к свободной торговле, чтобы каждая страна производила то, что ей лучше удавалось, а таможенные пошлины поддерживали бы только существующее производство. С их постепенной ликвидацией установится настоящая конкуренция<sup>25</sup>.

<sup>25</sup> Justo J.B. La obra parlamentaria 1912–1913. Buenos Aires, 1913, p. 46–57.

Хусто не мог представить себе ни технического прогресс, ни демократию в неграмотной стране. Никакие общественные изменения были невозможны без ликвидации неграмотности и создания системы образования, охватывающей все население. Поэтому он боролся за исполнение закона 1884 г., который обязывал власти обучить грамоте всех детей, и предлагал открыть школы во всех населенных пунктах<sup>26</sup>.

Хусто рассматривал аргентинские университеты как порождение «креольской политики» со всеми ее негативными сторонами: антидемократической системой управления, отсталыми методами обучения, коррупцией. Поэтому он приветствовал и поддерживал в конгрессе проведение университетской реформы, которая дала высшей школе демократическую организацию и современные методы обучения.

Препятствием для прогрессивного развития страны являлась и церковь. Хусто считал религию формой духовного порабощения народа, которая оправдывает существующий общественный порядок. Хусто предлагал изменить статью 2 конституции, обязывающую государство поддерживать католическую церковь, и отделить церковь от государства<sup>27</sup>.

Хусто рассматривал работу в парламенте как главную сферу деятельности социалистической партии. Он признавал забастовочную борьбу только при условии тщательной подготовки позволявшей рассчитывать на успех. Выполнение рабочих требований мыслилось им через общую демократизацию государства и общество на пути политической борьбы. Социалисты почти никогда не выступали инициаторами забастовок. Такая позиция вела к потере ими влияния в рабочем движении и благоприятствовала анархо-синдикалистам, выступавшим против любых форм государственности, за экономическое освобождение трудящихся. Но этот экономизм был понятен и привлекателен для иммигрантов, которые не были заинтересованы в политических вопросах, но через профсоюзы противостояли эксплуатации.

По мере потери социалистической партией связей с рабочим классом, ее социальной средой становится своеобразный блок части рабочих и городских средних слоев, видевших в деятельности социалистов протест против существующих порядков, ущемлявших и их интересы. Таким образом росло количество партийных организаций, численность партии и избирателей, голосующих за социалистов<sup>28</sup>.

Единственным случаем сочетания внепарламентских и парламентских методов борьбы в политической практике социалистов стала поддержка социалистической партией в 1912 г. аграрного движения, получившего название «Клич Алькорты» (местечко в провинции Санта-Фе). Движение явилось протестом фермеров-арендаторов против системы землепользования, которая обогащала владельцев земли и связанные с ними иностранные компании.

Социалисты оказали всемерную помощь «Кличу Алькорты». Они развернули антилатифундистскую кампанию в партийной прессе, провели в Буэнос-Айресе ряд митингов солидарности с чакарерос.

Х.Б. Хусто по приглашению руководителя забастовки Ф. Нетри посетил зону конфликта и выступил перед чакарерос с разъяснением позиции социалистической партии в аграрном вопросе. Он сказал, что развернувшиеся события подтверждают то, о чем социалисты уже давно говорили: аргентинская политика должна перестать быть междоусобной борьбой различных камарилей и превратиться в борьбу общественных классов за свои интересы. Он с удовлетворением констатировал, что классовая борьба, которая до сих пор шла в городах между трудом и капиталом, началась и в деревне между арендаторами и землевладельцами.

Хусто подчеркнул, что только одна социалистическая партия защищает интересы сельских тружеников и намерена добиваться в национальном конгрессе принятия законодательств в защиту их интересов. Для освобождения от различных форм

<sup>26</sup> Ibid., p. 158–162.

<sup>27</sup> *Justo J.B. La obra parlamentaria 1913–1914.* Buenos Aires, 1915, p. 253–259.

<sup>28</sup> *Oddone J. Op. cit., t. 2, p. 208.*

эксплуатации Хусто призвал чакарерос организовывать кооперативы: «Потребительские кооперативы, чтобы освободиться от торговцев; заготовительные кооперативы, чтобы освободиться от скупщиков; кооперативы взаимной помощи от стихийных бедствий; арендные кооперативы совместно с латифундиями для их раздела на фермы и передачи пайщикам»<sup>29</sup>.

Под угрозой потери урожая латифундисты пошли на переговоры. Поддержав идею переговоров, социалисты советовали руководителям движения не проявлять чрезмерной уступчивости. Хусто в письме к Нетри настаивал на снижении арендной платы до 25% урожая, тогда как комиссия правительства Санта-Фе до 30%. Чакарерос добились снижения арендной платы до 28%; свободной продажи своей продукции; возможности пользоваться не принадлежащей землевладельцу сельскохозяйственной техникой. В ходе забастовки была создана Аргентинская аграрная федерация, объединившая мелких и средних аграриев<sup>30</sup>.

Первая мировая война привела к размежеванию внутри социалистической партии на сторонников и противников войны. Первоначально партия выступила против войны. Хусто являлся принципиальным противником войн, допуская их только в двух случаях: защита против внешнего врага и если речь шла о присоединении к цивилизации новых земель.

Хусто рассматривал начавшуюся мировую войну как результат борьбы не только между капиталистическими странами, но и между демократическим капитализмом, представленным Англией и США, и тоталитарным капитализмом Германии, между демократическими нациями и прусским милитаризмом.

Свою долю вины в развязывании войны несли и европейские социалистические партии, голосовавшие за военные кредиты и вошедшие в правительства своих стран. Это объяснялось их слабостью: они составляли меньшинство и были не в состоянии остановить военную машину. Но их непростительной ошибкой являлась поддержка протекционизма, эта наихудшая, по Хусто, форма солидарности между хозяевами и рабочими.

Главной экономической причиной войны, по мнению Хусто, стало обрушение торговых связей между европейскими странами. Война была predetermined протекционистской политикой Германии, принятой в 1879 г. Главное средство в предотвращении войны и установлении прочного мира Хусто видел в принятии всеми странами принципа свободной торговли. Будущее сообщество наций должно основываться на свободной торговле, международной валюте, метрической системе, обязательном арбитраже, международном суде, разоружении, публичной дипломатии, парламентском контроле внешней политики и санкциях против нарушителей. Эта программа, выдвинутая Хусто сразу же после окончания войны на международной конференции социалистических партий в Берне в феврале 1919 г., не была принята. Несколько позднее аргентинская партия вышла из II Интернационала.

Несмотря на симпатии Хусто в отношении союзников, он не желал вступления Аргентины в войну и выступал за ее нейтралитет. Позиция Хусто изменилась в 1917 г. после объявления Германией неограниченной подводной войны и потопления двух аргентинских судов. В апреле 1917 г. руководство партии и парламентская фракция опубликовали декларацию, подписанную Хусто, в которой действия Германии расценивались как фактическое объявление войны, в ней же выдвигались требования к правительству принять любые меры по защите аргентинской внешней торговли. Такая позиция руководства вызвала протест членов партии, и исполком вынужден был созвать чрезвычайный съезд партии, на котором позиция руководства не получила поддержки. Несмотря на это, парламентская фракция внесла в конгресс резолюцию о разрыве дипломатических отношений с Германией, что привело к расколу

<sup>29</sup> Цит. по: *Grela P. El grito de Alcorta*. Rosario, 1958, p. 263.

<sup>30</sup> *Ibid.*, p. 155–156.

социалистической партии. Левое крыло образовало в январе 1918 г. новую Интернационально-социалистическую партию, с 1920 г. — коммунистическая партия.

Помимо отношения к Первой мировой войне причиной раскола в социалистической партии стало отношение к русской революции. Если левое крыло партии ее приветствовало, то большинство социалистов во главе с Хусто заняло более сдержанную позицию. Хусто, несмотря на серьезные разногласия с большевиками, на неприятие идеи диктатуры пролетариата, признавал огромное значение социально-политического движения, начавшегося в России, и во многих своих аспектах заслуживавшего симпатии трудящихся всего мира. Признавая крах II Интернационала, Хусто решительно выступал против присоединения аргентинской социалистической партии к Коминтерну. Он ратовал за создание нового Интернационала на принципах, изложенных им на международной социалистической конференции в Берне в 1919 г.

Хусто, считая главной причиной краха II Интернационала игнорирование его лидерами международных экономических проблем, которые могли быть решены, по его мнению, лишь переходом к свободной торговле, не мог обойти вниманием зависимость Аргентины от иностранного капитала.

Хусто не подвергал сомнению агроэкспортную модель аргентинской экономики, которая позволяла стране наиболее эффективно участвовать в международном разделении труда, но он выступал против бесконтрольного хозяйничания иностранного капитала на своей родине. В одной из ранних работ Хусто характеризовал Аргентину как «простую европейскую колонию, хотя и с политической независимостью». В других он доказывал зависимость страны от иностранного капитала. Но он не отрицал его необходимость. «В действительности приток иностранного капитала необходим и неизбежен... Это нужно для развития страны. Иностранный капитал ускорит экономическое развитие страны и с еще большей силой ускорит ее социальную и политическую эволюцию». И, подытоживая свои размышления, писал: «Мы признаем необходимость иностранного капитала, но думаем держать его в рамках»<sup>31</sup>. По глубокому убеждению Хусто это мог сделать лишь рабочий класс. Но для этого рабочее движение должно быть «националистическим, интернациональным, социалистическим» и охватить все латиноамериканские страны.

В свои 62 года Хусто был полон сил и планов. Казалось, что ничто не предвещало близкого конца, но в ночь на 8 января 1928 г. он умер от сердечного приступа. Не стало «учителя», как уважительно называли его соратники.

---

<sup>31</sup> *Justo J.B.* La cuestion nacional. Buenos Aires, 1980, p. 81–82, 99.